

рая в статье вопросы, связанные с профессиональной лексикой, автор намечает пути развития этой лексики в языке аральских и каспийских рыбаков; при этом он отмечает, что в обогащении ее известную роль сыграло наличие у приаральских и прикаспийских казахов в различное время контактов с туркменами, татарами, каракалпаками и башкирами. Самый большой раздел статьи посвящается описанию различных названий, связанных с рыболовством, где почти каждое название автор рассматривает с привлечением фактов из других тюркских языков.

Необходимо отметить, что, приводя большое количество действительно профес-

сиональных слов, автор к ним же относит целый ряд диалектизмов, например: *жағу* (лит. *жағындау*) «приближаться», *жаньғу* (лит. *жанасу, тағу, асығу*) «торопиться, спешить», *лайыту* (лит. *лайлау*) «мутить», *онаттау* (лит. *оңдау*) «ремонттировать», *шаулау* (лит. *тавалау*) «очистить» и др.

Несмотря на отдельные недостатки, рецензируемый сборник является первым серьезным шагом в разработке вопросов истории и диалектологии казахского языка и содержит много ценных фактов по истории, диалектологии и профессиональной лексике казахского языка.

Е. И. Жаппасов, М. Т. Томапов

ПОЛЬСКОЕ ИЗДАНИЕ НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ¹

Открытые за последние годы новгородские грамоты на бересте привлекли к себе внимание многих исследователей как в СССР, так и за рубежом. Особенно много работ, посвященных изучению вновь открытых берестяных грамот, появилось за последние 5—6 лет в Польше. Нужно назвать статьи Т. Лера-Сплавинского, А. Поппе, И. Ригера и в особенности целый ряд исследований познанского слависта, видного палеографа и диалектолога проф. В. Курашкевича, перу которого принадлежат и разбираемая книга².

Книга состоит из двух частей: выпуск первый — языковая обработка; выпуск второй — фотографии и прописи грамот, выполненные тщательно и представленные в издании весьма отчетливо.

В своей работе В. Курашкевич дает тексты 89 грамот; сюда входят все грамоты, открытые в 1951 и в 1952 гг., а также 6 грамот из раскопанных в 1953 г.: №№ 92, 94, 97, 98, 105, 106. В. Курашкевич опирается на первые научные издания, выполненные в 1953 г. А. В. Арциховским и М. Н. Тихомировым³, в 1954 г. А. В. Арциховским⁴, на появившийся в 1955 г. «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот»⁵, на все статьи и рецензии по вопросу ин-

терпретации этих памятников, опубликованные на русском, польском и английском языках до 1955 г. включительно. Последние 6 грамот издаки В. Курашкевичем еще до появления в свет полного научного их издания в Советском Союзе, которое вышло из печати лишь во второй половине 1958 г.⁶

При языковой интерпретации текстов автор часто расходится со своими научными предшественниками, критически оценивает их высказывания и предлагает собственные толкования. К сожалению, В. Курашкевич, в отличие от аналогичных советских изданий, ограничивается таким комментарием и не приводит полного перевода грамот на современный польский язык даже в тех случаях, когда это безусловно возможно.

Прочтение и интерпретация грамоты № 3 (Письмо от Гришки к Есифу) не вызывают затруднений. Одно замечание может быть сделано по поводу употребления в данном контексте слова *персаара*. В. Курашкевичем приведено только одно значение этого слова из трех, отмеченных в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского: «чап для варки меда и пива, как мера»⁷. Н. Б. Бахилина склоняется к значению «апаток», засвидетельствованному в «Материалах для терминологического словаря древней России» Г. Кочина⁸. Между тем к разбираемому месту грамоты, как кажется, наиболее подходит третье из отмеченных у Срезневского значений: «пошлина за варку пива и меда». По-видимому, это было название феодаль-

¹ См. W. K u r a s z k i e w i c z, *Gramoty nowogrodzkie na brzozonej korze*, Warszawa, 1957.

² Библиографию важнейших польских работ по новгородским берестяным грамотам см. в нашей статье «Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка», «Вестник ЛГУ», 1958, № 2, стр. 97 (далее принимается обозначение М). В дополнение к поименованным в статье трудам следует назвать еще: W. K u r a s z k i e w i c z, *Polska lekcja najstarszego listu ruskiego od Gostiaty do Wasyla*, «Język polski», XXXVI, 3, 1956, а также написанную им рецензию на коллективный труд советских ученых «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот» (ВЯ, 1957, № 2).

³ А. В. Арциховский и М. И. Тихомиров, *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.)*, М., 1953 (далее сокращенно АТ).

⁴ А. В. Арциховский, *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.)*, М., 1954 (далее сокращенно А).

⁵ «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот» М., 1955 (далее сокращенно ПЛ).

⁶ А. В. Арциховский и В. И. Борковская, *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.)*, М., 1958 (далее сокращенно АБ).

⁷ И. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, т. II, СПб., 1885, стр. 897.

⁸ ПЛ, стр. 175—176.

ной повинности, которая чаще всего взималась натурой. У Срезневского приводится очень близко подходящий по смыслу пример из «Новгородских данных XIV—XV вв.»: «Прикаждик мой къ нимъ не въѣзжаетъ, ни переваръ не пьетъ, ни попливъ не емлетъ»¹.

Грамота № 5 (Письмо к Матфею) по-разному читается и понимается исследователями в заключительной своей части «да ты грамотѣ не дасть на него» (строки 5—6). В. Курашкевич, вопреки мнению М. И. Тихомирова и В. И. Борковского, поддерживает чтение, предлагаемое А. В. Арциховским², и понимает конец текста как дополнительное придаточное предложение с оттенком целевого значения, зависимое от глагола *могли*. Смысл этого предложения: «пусть не даст он на него грамоты» При таком чтении в глагольной форме *дасть* нужно видеть 3-е лицо настоящего-будущего времени, а не форму аориста, как предлагает В. И. Борковский³.

Такое чтение является правильным, и этим убеждает нас замечание М. И. Тихомирова о том, что в данном случае идет речь, по-видимому, о так называемой «дерноватой» грамоте⁴. Выражение «давать (дерноватую) грамоту на кого-либо» означало: обращать этого человека в холопа *одерень*, т. е. пожизненно⁵.

В тексте грамоты № 7 (Письмо о Коромане) гадательным является понимание первого слова *сочитаю*. В противоположность мнению А. В. Арциховского и М. И. Тихомирова, которые считают возможным понимать это слово как форму двойственного числа повелительного наклонения от глагола *сочити* «искать, всыкивать», автор вслед за П. С. Кузнецовым⁶ находит здесь форму аориста от глагола *счѣтити* «считать». Это предположение можно признать более вероятным, так как трудно здесь видеть форму двойственного числа. В строке 3-й читается слово *бѣбороко*; автор вслед за другими исследователями понимает это как родительный падеж множественного числа от уменьшительной формы слова «бобр». С таким истолкованием следует согласиться, заметив, однако, что названному существительному было в древнерусском языке свойственно еще одно значение: «драгоценная шелковая или виссонная ткань»⁷.

¹ «Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. Изд. Археогр. комиссии», СПб., 1838, № 110. АТ, стр. 33.

² В. И. Борковский, Драгоценные памятники древнерусской письменности, ВЯ, 1952, № 3, стр. 136.

³ АТ, стр. 33.

⁴ Более подробно см. М, стр. 95—96.

⁵ ИЛ, стр. 132, 184.

⁶ См.: Н. А. Мещерский, К толкованию лексики «Слова о полку Игореве», «Уч. зап. [ЛГУ]», № 198. Серия филол. наук, вып. 24, 1956, стр. 5—7; его же, К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве», «Труды отдела древнерусской литературы [АН СССР]», т. XIV, М — Л., 1958, стр. 43—44.

В толковании текста грамоты № 8 (письмо о корове) автор особо касается чтения строк 2-й и 3-й, затруднения в понимании которых происходят, по всей видимости, от недостаточного уровня грамотности и овладения тогдашним литературным языком составителем письма. Предложение автора читать сочетание *ожалочьши коровъ* как «Оже лучшии корове», т. е. «если ты встретишь корову (если тебе попадет корова для покупки её)», кажется вполне убедительным со стороны смысла целого текста.

Почти три страницы отводится анализу грамоты № 9 — знаменитому письму Гостяты к Василию, одной из наиболее древних и вместе с тем наиболее хорошо сохранившихся грамот. Ее, бесспорно, можно датировать временем не позднее начала XII в. Основное содержание научных споров по поводу истолкования этой грамоты сводится к решению вопроса о том, женщина или мужчина является ее составителем. Автор отвергая второе предположение, которое выдвигают и поддерживают А. В. Арциховский, В. И. Борковский и Р. О. Якобсон, соглашается с теми исследователями, которые, как Ф. Ф. Кузьмин⁸, В. К. Чичагов⁹, М. В. Щепкина¹⁰ и Л. А. Булаховский¹¹, считают составителя письма женщиной. Автор, ссылаясь на В. Ташицкого, указывает, что имя Гостяты встречается в старопольских текстах¹². Это указание автора весьма ценно.

Решающим для понимания всего текста является толкование строк 4-й и 5-й. В. Курашкевич читает их единственно правильным образом: «Избѣвь роуки поустить же ма а иноую полъ». Такими словами могла написать о себе, разумеется, только женщина, и притом оставленная мужем жена. Выражение *избѣвь роуки* Курашкевич правильно разбирает как причастие прошедшего времени с винительным падежом множественного числа существительного *роуки* и понимает это выражение в смысле расторжения брачного договора. Сочетание же *поустить же ма а иноую полъ* верно рассматривается автором как неразрывное целое. Это выражение, как правильно отмечает Курашкевич, было широко распространено в древнерусскую эпоху и могло иметь только одно, строго определенное значение: «развестись с одной женою и жениться на другой». Такое сочетание выражений часто встречается не только в церковно-канонических памятниках, примеры которых автор приводит вслед за Тихомировым и Чичаговым, но и в собственнo литературных произведениях киевского периода, в частности, в таких переводных повестях,

⁸ Ф. Ф. Кузьмин, Новгородская берестяная грамота № 9, ВЯ, 1952, № 3.

⁹ В. К. Чичагов, Филологические заметки, ВЯ, 1954, № 3, стр. 81—82.

¹⁰ М. В. Щепкина, [рец. на кн.] АТ, ВИ, 1954, № 4.

¹¹ Л. А. Булаховский, рец. на кн.: ПЛ, ИАН ОЛН, 1956, вып. 1, стр. 78.

¹² W. T a s z u s k i, Najdawniejsze polskie imiona osobowe, Kraków, 1926, стр. 75.

как «Александрия» или «История Иудейской войны» Иосифа Флавия¹.

В заключительных словах письма «Досда добръ сѣтворѣ» В. Курашкевич находит следующий смысл: «Приезжай, чтобы сделать добро, чтобы навести порядок». С таким пониманием нельзя согласиться. Во-первых, слова *добрѣ сѣтворѣ*, бесспорно, являются устойчивым сочетанием, сложившейся формулой, принятой в вежливой речи. Такую же концовку мы находим в грамоте № 87². Во-вторых, по-видимому, это фразеологическая примета именно эпистолярного стиля³. Значение этого устойчивого словосочетания является приблизительно нашему «пожалуйста» или «будь добр». Пользование выработанной литературной фразеологией, безукоризненной орфографией, четкость и краткость в выражении мысли свидетельствуют, как совершенно справедливо отмечает В. Курашкевич, о широком распространении грамотности и о высокой культуре письменной речи в кругах городского населения Киевской Руси уже в первой половине XII в. Этот факт утверждает нас в убеждении, что язык вновь найденных новгородских берестяных грамот ничем по существу не отличается от известного нам по прежде изучавшимся памятникам письменно-литературного языка древнерусской народности.

Тексты дальнейших грамот, с № 11 по № 83, ланы В. Курашкевичем в основном в соответствии с изданием А. Однако автор обычно находит возможность исправить чтение и интерпретацию текста грамот в тех случаях, где издание А явно неудовлетворительно. В частности В. Курашкевич дает разделение на слова текстов, которые были даны в слитном написании в издании А по причине обрывочного состояния грамот (это относится, например, к грамотам №№ 18, 26, 33, 34, 37, 56 и др.).

В тексте грамоты № 17, в целом ясной по содержанию и не вызывающей споров, затруднение возникает при истолковании слова *спроста*. Автор, ссылаясь на словарь П. И. Срезневского, считает возможным перевести это слово как «попросту» или, очевидно, под воздействием редакционного примечания в издании А, «с разрешением, с дозволением»⁴. Л. П. Жуковская предлагает значение «искренно» (т. е. проявляя доверие к пославшему письму)⁵.

Между тем по смыслу контекста ожидалось бы значение: «не раздумывая, не медля, быстро». По-видимому, подобная семантика может быть присуща этому па-

речию и в современной народной речи⁶. Что же касается древнерусской эпохи, то наречие *спроста* в ряде памятников приравнивается по своему значению к наречию *в борѣ* «быстро». Ср. описание *вбырѣль* в грамоте № 176⁷, а также *на борви* в грамоте № 32⁸.

Грамоту № 20 автор дает в согласии с замечаниями редактора (проф. В. А. Рыбакова) в издании А. Как и названный исследователь, В. Курашкевич видит в тексте грамоты ритмически организованную припевку *скоморохов*. Букву *о* с двумя точками внутри он правильно, вслед за В. А. Рыбаковым, читает как идеографический знак, замещающий слово *очи*. Сочетания *у Давыдовы* и *на Оушменки* убедительно рассматриваются как географические названия. Выражение *на конь пале* Курашкевич, тоже в согласии с Рыбаковым, толкует как «вскочил на неседланного коня». Считаю понимание этой грамоты Рыбаковым и Курашкевичем правильным. При таком ее понимании в берестяных грамотах возможно видеть весьма ценный исторический источник, в котором сохранены до наших дней не только документы частной деловой переписки древних жителей Новгорода, не только отрывки церковной книжности, как, например, в грамотах № 10 или № 128, но и произведения устного народного творчества.

В отрывке из письма от одной женщины к другой по поводу вытканной мастерицею *уащинки*, т. е. узкого куска полотна (грамота № 21), спорным является толкование части строки 3-й: «а не угоди те с кымъ». В. И. Борковский еще в 1953 г. предложил читать в этом случае *угодице* и понимать это как безличную форму глагола с частицей *ся*, переданной в соответствии с северновеликорусским диалектным произношением в виде *се* и слившейся с глагольной флексией третьего лица⁹. В. Курашкевич в общем соглашается с этим предложением, однако считает возможным в слове *се* видеть не возвратное местоимение-частицу *ся*, а обычное указательное местоимение среднего рода. Думается, что такая интерпретация вряд ли может быть признана убедительной.

Ряд возражений вызывается принимаемым В. Курашкевичем вслед за А. В. Арциховским прочтением текста грамоты № 25. В конце строки 3-й по фотокопии и по прорисю ясно можно видеть сочетание букв: *сссе*. Однако В. Курашкевич, как и Арциховский, предпочитает читать в данном случае «се себе поводом сложил» и

⁶ В. И. Даль (т. IV, СПб.—М., 1882, стр. 306) дает значение «без умысла, простодушно», т. е. «не раздумывая».

⁷ А. В. Арциховский и В. И. Борковский, Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), М., 1958, стр. 60.

⁸ А., стр. 33, 35. См. подробнее М., стр. 102.

⁹ В. И. Борковский, Новые находки берестяных грамот, ВЯ, 1953, № 4, стр. 123.

¹ М., стр. 99, и П. А. Мещерский, Искусство перевода Киевской Руси, «Труды отдела древнерусской литературы [АН СССР]», т. XV, 1958, стр. 71.

² АВ, стр. 12.

³ См. подробнее М., стр. 100.

⁴ А., стр. 17.

⁵ ПЛ, стр. 197.

понимать в соответствии с объяснением В. И. Борковского: «...не признал показанного прогив него»¹. Думается, что более правильным следует признать прочтение, предлагаемое в редакционном примечании Б. А. Рыбаковым: «сеее (с коня) повод сложиле», т. е. «немчин, сев с коня, отказался от права владения им»². Такое прочтение предпочтительнее потому, что оно не предполагает никакой порчи текста в оригинале.

В. Курашкевич отвергает в данном случае чтение Б. А. Рыбакова потому, что ему кажется маловероятным, что в слове *сеее* буква *e* могла бы заменить собою букву *б*. Между тем мы в тексте оцпсч многих берестяных грамот находим подобную замену, которая характерна в какой-то мере, по-видимому, для многих наречий и говоров русского языка³.

В грамоте № 32 текст начинается словами: «Фешке Юргию целомъ (бюю)». Арциховский склонен считать оба имени в начале текста принадлежащими адресату. «Здесь нельзя, — пишет он, — видеть уменьшительное имя от Федора и т. п.; ведь адресата звали Юрием, и наличие двух крестных имен предположить трудно; перед нами — прозвище»⁴. В противоположность этому мнению, В. Курашкевич вполне правильно разбирает первое имя как именительный падеж единственного числа и считает его именем отправителя письма. Имя же *Фешко*, по мнению автора, может считаться обычным сокращением от полного имени *Федор*. В Новгородских грамотах встречается мужское имя *Фешакъ*⁵.

Очень важное уточнение вносит автор в прочтение текста грамоты № 42. Эта грамота — духовное завещание, которое всегда начиналось устойчивыми словесными формулами. В данном случае в строке 2-й писавший пропустил одну букву *р* в начале выражения (*р)бъ бжи* («рабъ божий»). Чтение Арциховского «се азъ, Ъбжи Михаль» и его комментарий («Во второй строке завещатель назвал двумя именами: одно из них, как обычно, славянское, другое — христианское») — явно ошибочны. Б. А. Рыбаков вынужден был в редакционном примечании высказать свое несогласие с таким толкованием. Курашкевич дает правильно разбитый на слова текст грамоты — духовного завещания, начинающегося трафаретным словосочетанием.

В тексте грамоты № 78 В. Курашкевич, вопреки мнению Арциховского, Борковского и Кузнецова⁷, считает, что в выражении *оу вѣщина шурина* притяжательное прилагательное *Вѣщинъ* следует признать образованным от мужского собствен-

ного имени *Войка*, которое приведено у В. Тапицкого⁸. С этим трудно не согласиться. Выражение *на конѣ* автор правильно разбирает как регулярную древнерусскую форму винительного падежа множественного числа от существительного с основой на -*ю*. Стремление В. И. Борковского видеть в этом слове форму местного падежа единственного числа со значением «за коня» не находит себе основания в контексте грамоты со стороны здравого смысла: вряд ли кто-либо станет продавать коня за сбрую к нему. Это предположение не находит себе поддержки и в данных исторической грамматики, ибо, как признает сам В. И. Борковский, А. И. Соболевский «первый достоверный случай местного падежа ед. числа основ на -*ю* мягкого различия с ѣ приводит из памятника XII—XIII вв.»⁹.

Обоснование понимания В. Курашкевича см. в М. (стр. 105—106).

Грамоты №№ 92, 94, 97, 98, 105, 106 падаются, как мы уже заметили выше, лишь по их предварительной публикации в журнале «Вопросы истории». Тем не менее их текст в отдельных случаях дается точнее, чем в их более поздней публикации. Так, в строке 4-й грамоты № 92 по фотокопии я по прориски ясно может быть прочитано имя *на Зуикъ*, так это имя напечатано и у В. Курашкевича. Издание же АБ почему-то безо всяких оговорок трижды передает это имя как *Суик* (или *Суйко*)¹⁰.

Внимательно анализируя языковой строй в издаваемых им древнерусских письменных памятниках, В. Курашкевич приходит к весьма важным для развития нашей филологической науки выводам общего характера. Он полагает, что стратиграфическая и палеографическая датировка грамот, которые обычно совпадают, как правило, не противоречит также и их историко-лингвистическому приурочению. Если в отдельных случаях лингвистический анализ и дает основание для того, чтобы подвергнуть пересмотру датировку грамот, то такие случаи весьма редки и расхождений несущественны. Все это лишь раз доказывает нам, какую громадную ценность для истории русского языка представляют новые и новые находки берестяных грамот, обнаруживаемых сейчас уже не только в древнем Новгороде, но и в других русских городах¹¹.

Талантливо написанная польского исследователя окажет немалую помощь при специальном изучении берестяных грамот и вообще при изучении исторического развития русского языка.

И. Л. Мецкерский

¹ ВЯ, 1953, № 4, стр. 125.

² А, стр. 28.

³ Ср.: ПЛ, стр. 88—89; АБ, стр. 94

⁴ А, стр. 35.

⁵ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», М. — Л., 1949, стр. 294.

⁶ А, стр. 42.

⁷ ПЛ, стр. 124.

⁸ W. G a z z u s k i, указ. соч., стр. 51.

⁹ В. И. Борковский, Новые находки..., стр. 128, ср. стр. 132

¹⁰ АБ, стр. 16—19

¹¹ См. Д. А. Авдусин, Смоленская берестяная грамота, «Советская археология», 1957, № 1.